

ПОДРОБНОСТИ ЖИЗНИ ПСКОВИЧЕЙ В НАЧАЛЕ XV В. НА ОСНОВАНИИ ПОСЛАНИЯ МИТРОПОЛИТА ФОТИЯ ВО ПСКОВ (1422 или 1425 г.)

Аннотация: В данной статье рассматривается документ «Послание Фотия митрополита во Псков о священническом чину», который предоставляет весьма ин-

тересные подробности о нравах псковичей начала XV в.

Ключевые слова: Митрополит Фотий, Псков, Новгород, XV в.

Митрополит Фотий вошел и историю русской церкви как поборник церковных канонов, продолживший дело митрополита Киприана по наведению порядка в русских епархиях. Особое внимание митрополит уделял Новгородской епархии, в которой образ жизни мирян и церковнослужителей во многом отличался от христианских предписаний. Фотий направлял в Новгород и Псков несколько посланий, в которых давал «наказ», как жить «по закону христианскому»¹. В данной статье рассматривается документ «Послание Фотия митрополита во Псков о священническом чину»², который предоставляет весьма интересные подробности о нравах псковичей начала XV в.

В своем послании митрополит обращается не только к священникам, но и к

светским людям – «посаднику Федосью Фефиловичу и старым посадником, и всему Пскову, христоименитым господним людем, живущим всем под законом Божиим». В первую очередь митрополит разбирает вопрос о способе суда над священниками, принятом в Пскове. Псковские священники по местному обычаю должны были приходиться на суд, облачившись «во всю одежду священническую». В этом виде священники должны были приносить особую клятву – роту. Митрополит воспринял это как надругательство над священным облачением и самими священниками: «не предана есть христианом православным рота, и не ротою судити повелено есть, но по Христову еуагельскому глаголющему слову судяще: «Пред двема или трема свидетели, да станеть всяк глагол». И тако повсюду священничество судитя». В Пскове же, по мнению митрополита, священники выставлялись «на тризнища и на понос и на безчестие, и тако судом вашим, тою ротою священнаго

¹ Новгородская Карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей (Далее – ПСРЛ). Т. 42. СПб., 2002. С. 95-97.

² Приводится по изданию: Казакова Н. А., Лурье И. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. М.-Л., 1955.

своего сану, от вас осужаеми суть».

Рота – слово очень древнее. В языке рота означала не просто клятву, но миропорядок в целом. Таким образом, клятва – рота тесно связывала слово человека с мирозданием. В этой связи показательно, что как раз в исследуемый период в Пскове была распространена ересь стригольников. Источники свидетельствуют, что стригольники практиковали поклонение земле и небу. Еретики приписывали земле способность прощать и отпускать грехи. Обожествление земли-матушки сохранилось на Руси с языческих времен до XIV в. и позднее, о чем сохранилось свидетельство в фольклоре:

«Уж как каялся молодец, сырой земле:

Ты покаяй, покаяй, матушка сыра земля –

Есть на душе три тяжкие греха, три великие».

Следовательно, поклонение земле было естественным для души русского человека, гораздо более естественным, чем исповедь священнику. В исследуемый период земля воспринималась новгородцами как нечто живое и разумное – землю даже призывали в свидетели поземельных сделок.

Кроме земли стригольники обожествляли небо: «тие стригольницы, отпадающей от бога и на небо взирающе беху, тамо отца себе наричают»³. Православная церковь неизменно протестовала против такого языческого поклонения природе. В «Слове святого Кирилла» (XIV в.) говорится: «А не нарицайте себе бога на земли, ни в реках, ни в студенцах, ни на воздусе, ни солнцы». Разумеется, что и рота попадала под церковный запрет, осо-

бенно в отношении священнослужителей.

Далее митрополит запрещает псковичам менять духовников: «котораго отца от вас сын духовный в запрещении каком, и отходить к другому, и другой того принимает: и о том убо по правилом приемляй священник в запрещении сына духовнаго чюжаго, а не с волею и с не отпущением отца прьваго, и принимаяй убо сына чюжаго сам той священник запрещение принять, от священства въздержитя, донележе еже останется от таковых; а приятый сын к первому отцу да приходити».

Таким образом, в Пскове имели место случаи смены прихожанами своих духовников. Если духовный отец налагал на согрешившего псковитянина епитимью или же строго следил за соблюдением православных канонов, то грешник просто менял духовника (возможно, при этом предпочитая стригольника).

Строго осудил митрополит вторичный брак для овдовевших попов: «а что ми пишете, что который поп овдовеет, и он ся женит: ино то безъчинственно есть: понеже не земнаго царя той бысть служитель, но небеснаго. И который убо ради сладострастья и сътворив таковое оженится, а пол тела своего мертвенаго земли предаст, и той убо преобидит божье служительство. А попадье тако же нелепо ходити замуж: понеже едино бысть тело преже с своим мужем, и то убо есть яко пол тела мертваго».

Вторичный брак для приходских священников, не желающих уходить в монастырь, был необходимостью, ведь прихожане не потерпели бы, чтобы их жен исповедовал неженатый поп, во избежание соблазна. В исследуемый период попы не только совершали церковные службы, но

³ Цит. по: Там же. С. 241.

и отвечали за сохранность товаров и казны, которые горожане помещали в церквях. Честность и порядочность были необходимы для занимающего должность попа. Вероятно, подобрав подходящего попа, уличане не склонны были с ним расставаться. Поэтому обычными были случаи, когда поп женился вторично, хотя еще в начале XIV в. митрополит Петр ввел правило, согласно которому овдовевшие приходские священники обязаны были постригаться в монахи.

Много внимания уделяет митрополит Фотий вопросам монашеской жизни. Вероятно, довольно частыми в Псковской земле были случаи расстрижения: «что суть у вас таковии: одеяние аггельскаго образа с себе сложив, да мирская на ся взем, и в миру живут, и таковии убо яко поругателе суть тому великому аггельскому образу; и о таковых есмь преже много к вам писал и ныне пишу, и что с нужею да приводите тех в монастырь, облечете их во одеяния иноческаая».

То есть Фотий неоднократно присылал в Псков грамоты с запрещением для монахов возвращаться к мирской жизни, но эти запреты не возымели действия. Постригшиеся по каким-то причинам в монастырь псковичи считали вправе снять с себя монашескую одежду и вернуться в «мир», к своей прежней жизни. «Клобук не гвоздями к голове прибит», - гласит русская пословица.

Уход в монастырь для женщин часто являлся способом спастись от жестокого обращения мужа: «жена, утаився мужа своего, и идет в монастырь, и игумени таковых постригают». Такое тайное пострижение митрополит осуждал: «ино тие игумени в запрещении суть и в воздержани

нии от священства». Уход в монастырь мужа или жены должен был происходить по взаимному согласию: «муж убо или жена в болезни или не в болезни, которых похощет от них; к чину иноческому, и муж убо жене волю дает и ножици, а жена такоже мужеви. А инако несть предано постригати». Случалось, что простые монахини постригали женщин в монастырь: «черници от мужей жены постригают, а без игуменов». Вероятно, и в данных случаях имеются в виду тайные уходы жен в монастырь. Митрополит строго запрещает такое пострижение.

Каноны православной церкви строго разграничивали сферы деятельности белого и черного духовенства. На Руси эти границы были размытыми, с чем боролись митрополиты со времен Киприана. Фотий особо оговаривает, что игумены монастырей не могут быть духовниками «мужатых жен», не могут венчать или «в рожении женам молитвы даяти». Только «старцу духовну и во иночестве утвержену игумену, человеку добродетелну, не отлучено и жены в покаании держати». В данном запрете явно видна забота о нравственности черного духовенства, стремление отдалить монахов от мирских дел.

Послание Фотия содержит интересные подробности о похоронном обряде монахов. Если перед смертью мужчина или женщина принимали пострижение, а постригал их игумен (то есть пострижение было полностью каноничным), отпевать и поминать таких людей в Пскове имел право только игумен, как монахов. Попам бельцам было запрещено «проводити, пети, поминати тех душ». То есть даже предсмертное пострижение исключало человека из числа мирян, а значит,

из числа прихожан городских церквей. Митрополит согласился, что «без игумена несть достойно проводить и пети». Но уточнил, что «поминати всегда умерших душа и игумену и попу одинако велено есть. А нужа случится, игумена не будет, ино попу белцу и проводить и пети».

Далее митрополит переходит к семейным делам. С гневом обрушивается Фотий на принятый в Пскове обычай разводов и повторных браков: «который человек первую жену отослав или вторую, да поймает третью, или четвертую, а попове их благословляют: но те попы по правилом без священства суть». О том же Фотий примерно в это же время писал и в Новгород. Однако, по всей видимости, запреты его особого действия не возымели. Более того, кроме случаев неоднократных разводов и новых браков, в Пскове бытовал обычай откровенного многоженства: «много у вас и пятероженцев и многоженцев, ино в християнстве православном нигде так не слышах... И о четвероженцев убо прежде к вам писах и ныне пишу. А о пятероженцев и многоженцев вам пишу: в том беззаконнии будущих, якоже убо оканнаго Магмета ересобудущих, отлучайте и тех божия церкви». Упоминание Магомета подтверждает, что речь идет не только о разводах и повторных браках, но и о собственно многоженстве – одновременном сожительстве одного мужа с несколькими женами. Обычай этот на Руси был распространен в некоторых районах с языческих времен, о чем есть свидетельство в летописи: «радимици, вятичи и сиверяне один обычаи имут... браци не бывахо в них, но игрища меж селы; схожахуся на эти игрищи, на все бесовская плясания, и ту умыкаху собе жены, с нею кто свещався. И

имяхут же по две и по три жены... Сии же творят обысаи кривичи и прочи погании»⁴.

Далее митрополит рассматривает конкретный случай из семейных отношений: «что ми пишете, что дьякон ростригину жену понял, скимникову: ино и тех разлучити должно есть; аще не разлучатся, и епитемьями великими связати тех». То есть какой-то человек постригся в монахи и принял схиму (возможно, он тяжело болел и думал, что умирает). Его жена снова вышла замуж – она имела на это полное право, так как муж ее ушел из мира. Но постриженный в схиму по какой-то причине (возможно, он выздоровел) расстригся и покинул монастырь. Вернувшись домой он, видимо, потребовал у дьякона обратно свою законную жену. Но она уже и дьякону была законной женой, и добровольно разлучаться молодожены не пожелали. В церковном суде на местном уровне этот сложный вопрос решить не смогли и обратились с запросом к митрополиту. Осудив в целом поступок всех трех людей, митрополит все же сделал уступку – «аще не разлучатся» – то есть, не стал настаивать на силовом расторжении брака.

Отметим, что вторичные браки для вдовых попов и попадьей митрополит запрещал безоговорочно: «пишете, что поп вдовец попадью понял, ино тие яко мертви посполу суще (полу бо их телеса мертва суца и земли предана), и той убо бывый поп яко преобидник божия служительства бысть: а та попадьа, не схранив чистоту одинаго своего тела с первым своим мужем, и достоин тех разлучити».

Фотий настаивал на строгом сохране-

⁴ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. 43. М., 2004. С. 13.

нии всем церковным причтом своей нравственной чистоты. Даже не являющимся монахинями проскурницам (женщинам, изготавливающим просфоры) митрополит запрещал выходить замуж: «пишете, что и проскурницы замуж ходят, ино тие преже как были богу на службу себе вдали и чисте свои руци уготовали, а потом изволиша не духовнаа мудроствовати, но плоти годити, и таковых достоить ходящим по духу удалитися». Проскурницам надлежало соблюдать строгий пост: «пишете, что суть у вас котории проскурницы, и мясо ядят и проскуры пекут: ино о ядении мяса не толико есть отлучение; но аще и мясо ядят, но довлела бы в тех паче чистота духовнаа и телеснаа и покаание всегдашнее к отцу духовному».

В Пскове случались и самовольные переходы попов из одной церкви в другую. Митрополит резонно указал, что по канонам православной церкви этого делать нельзя: «к которой церкви презвитер поставлен бысть и написание от епископа, и тамо должен есть и до живота служите тому божию престолу, и нужу претерпевая, аще кого не епископ изведет, или людие града того, по воли же епископа». Нежелание псковских попов ехать в Новгород за отпускными и ставленными грамотами, вероятно, было связано с напряженными отношениями между псковичами и новгородским архиепископом.

По всей видимости, самовольные переходы попов из одной церкви в другую продолжались. Новгородский владыка Евфимий I в 1426 г. отправил в Псков грамоту «о прихожих попех с грамотою отпустною или без грамоты», в которой распорядился не принимать без отпускной и ставленной грамот лиц духовного звания,

приходящих из соседних епархий. Владыка заботился не только об ограничении доступа в псковские церкви священникам-стригольникам, но и о пополнении своей казны. Ведь и отпускная и ставленная грамота стоила денег, а выдавать эти грамоты в новгородской епархии мог только архиепископ. Следовательно, если по какой-либо причине из другой епархии приходил священник и желал устроиться в псковскую церковь, он должен был обратиться за ставленной грамотой к новгородскому владыке. Если же у него не было отпускной грамоты, то есть он незаконно покинул свой прежний приход, то его поставление становилось проблематичным. Однако стремление псковской церкви к отделению от Новгородской епархии было сильнее православных канонов.

Нравственный облик псковских попов, по мнению митрополита Фотия, был достоин осуждения. Как и в своем послании в Новгород, Фотий и в грамоте к псковичам осуждает обычай попов пить хмельное до обеда, то есть до обедни: «у вас котории попове, до обеда пият в праздники и во иныя дни».

Кроме пьянства, белые священники грешили и другими делами: «которыи попы и дияконы вдовци, тако и пребывают в мирьских и священъствуют». Митрополит указал, что вдовцы должны уходить в монастырь «и обновив себе о всем чистым покаянием к своему духовному отцу, и по достоинству аще суть достойни, и тогда да священъствуют таковии в манастырех, а не в мирьских». Исключение митрополит делает лишь для времени эпидемии, когда «на малое время» он позволил вдовым попам остаться служить в своих церквах.

Вопрос о вдовых священниках в XIV–XV вв. неоднократно вставал перед иерархами русской православной церкви. Но по большей части постановления митрополитов игнорировались. В 1466 г. следующий поборник канонов – митрополит Феодосий даже вынужден был оставить митрополию, столкнувшись с сильнейшим возмущением против себя со стороны русского духовенства. Митрополит подтвердил правило, которое обязывало овдовевших священников уходить в монастырь и принимать постриг. Тех же, у кого обнаруживалась сожительница, Феодосий, согласно канонам церкви, велел извергать из сана. Не обретя поддержки своим реформам среди большей части русского духовенства, Феодосий оставил митрополичью кафедру.

Псковичи отлучили от службы вдовых попов и дьяконов по всей Псковской волости только в 1469 г. Интересно, что архиепископ Иона за такое строгое следование канонам готов был отлучить псковичей от церкви, но митрополит «о том емоу възбранил». Позже Иона за плату разрешил вдовым священникам служить в псковских храмах. Таким образом, вопрос выгоды оказался для главы Новгородской епархии важнее православных канонов.

Особое внимание в послании митрополит Фотий уделил псковским стригольникам: «о сущих тех в вас развращенных от врага диявола стригольницех прилежне зрите, како направити их в богоразумие и в познание истинны». Если же еретики «до конца будут таковии, зовоми стригольници, от бога отпадающе, и блюдите о таковых, никако в ястьи и питьи верным с теми съприобщатися; но блюдите о таковых и от священных». При этом Фотий

прямо указывает, что особо закоренелых еретиков следует вразумлять «и нужами (толико кровь и смерть да не будут на таковых, но инако всяко), заточении приводит тех в познание, да не погибнуть, ни снидут в ад в помрачении своем». То есть митрополит допускал для еретиков тюремное заключение, но никак не телесные наказания и не казнь. Фотий предпочитал действовать больше убеждением, а не принуждением.

В заключении митрополит обращается прямо ко всем псковичам. Фотий поддерживает псковское священство в его борьбе с языческими праздниками: «възъбраняют вам от игрищ неподобных дьявольских, от плескания: зане таа игрища неподобьственая — ельнинская суть, и святыми отци христианом не предана суть... Да еще слышание мое, что де заговев великий святой пост, еже есть божье десятование всего лета, и простии деи людие бой и плещ стваряют и позорища безчиньная, еже суть богу мерзъкаа и ненавидима. И о том благословляю великое ваше православие, чтобы отселе того безчиния в вас не было».

Строгого соблюдения постов Фотий в это время требовал и от новгородцев. Вопрос о постах был для русских людей особенно болезненным. Запреты в определенные дни есть мясное были грубым вторжением в быт, в привычные устои жизни. Пирь в праздничные дни, сопровождаемые музыкой, проводились и в домах горожан («скомороха ... и гудця и свирця не уведи в дом свой глума ради — поганьско бо то есть»⁵), и в монастырях, и даже в палатах новгородского архиепископа. И

⁵ Цит. по: Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. С. 188.

зачастую пиры эти совпадали с христианскими постами. Кстати, Петров пост в июне православная церковь на Руси ввела именно для того, чтобы перекрыть им языческие праздники в честь Ярилы.

Несмотря на то, что псковская церковь отличалась более строгим следованием церковным канонам, чем новгородская, и здесь запрещения митрополита не возымели действия в полной мере. В Псковской летописи под 1505 г. приводится послание игумена Панфила с осуждением языческого праздника: «Егда бо приидет самый праздник Рожество Предотечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмется, и в селех возсятца в боубны и в сопели и гудешнием струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием и устами их неприязнен клич, вся скверные бесовские песни, и хребтом их вихляния, и ногам их скакание и топтания; тоу же есть мужем и отроком великое падение, тоу же есть на женское и девичье шетание блоудное

им возрение, также есть и женам мужатым осквернение и девам растления...»⁶. Таким образом, купальские игрища бытовали в Псковской земле и в начале XVI в.

Показательно, что послание митрополита Фотия в Псков (в отличие от подобного послания в Новгород) построено по принципу «вопрос-ответ». Митрополит не по собственному почину прислал грамоту в Псков, а отвечая на многочисленные вопросы псковских священников. Еще со времен митрополита Киприана псковские священнослужители предпочитали обращаться по всем вопросам, касающимся канонов, не к новгородскому архиепископу, а напрямую – к митрополиту всея Руси. Московские митрополиты казались псковичам более справедливыми и даже бескорыстными, чем новгородские владыки, заботящиеся большей частью лишь о сборе повинностей с псковских священнослужителей.

⁶ Псковская первая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 90.

Библиография

Источники:

- ПСРЛ. Т. 5. Вып.1. Псковская первая летопись. М., 2003.
ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. М., 2002.
ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дуброского. М., 2004.

Литература:

- Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
Казакова Н. А., Лурье И. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. М.-Л., 1955.

Сведения об авторе:

Кузьмина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, г. В. Новгород (Россия). Область научных интересов: история русской церкви и мировоззрение горожан Средневековой Руси.

E-mail: partizan007@yandex.ru

**DETAILS OF THE LIFE OF PSKOV
AT THE BEGINNING OF THE XV CENTURY BASED ON THE EPISTLE
OF METROPOLITAN PHOTIUS TO PSKOV (1422 OR 1425)**

Annotation: This article discusses the customs of the Pskovites in the early 15th century. The document "The Epistle of Photius Metropolitan in Pskov on the Priestly Office", which provides very interesting details about Novgorod, XV century.

Key words: Metropolitan Fotiy, Pskov, Novgorod, XV century.

References

Sources:

- PSRL. T. 5. Vyp.1. Pskovskaya pervaya letopis'. Moscow, 2003. (In Russian).
PSRL. T. 42.2. Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'. Moscow, 2002. (In Russian)..
PSRL. T. 43. Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubroskogo. Moscow, 2004. (In Russian)..

Researches:

- Anichkov E. V.* YAzychestvo i drevnyaya Rus'. [Paganism and ancient Russia]. St.-Peterburg, 1914. (In Russian).
Kazakova N. A., Lurie I. S. Antifeodal'nyye yereticheskiye dvizheniya na Rusi XIV - nachala XVI v. [Antifeudal heretical movements in Russia of the XIV - beginning of the XVI century]. Moscow-Leningrad, 1955. (In Russian).

About the author:

O. V. Kuzmina, PhD in History, V. Novgorod (Russia).
E-mail: partizan007@yandex.ru